

В. Г. ШВЕДОВ, А. Б. ВОЛЫНЧУК, И. Г. ШВЕДОВА

**ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АБОРИГЕННОГО ОСВОЕНИЯ БАССЕЙНА АМУРА
В ВЕРХНЕМ НЕОЛИТЕ**

Рассмотрены первичные предпосылки формирования системы природопользования аборигенного населения бассейна Амура в III тысячелетии до н. э. На этой основе выделена Амурская ресурсно-освоенческая область. По локальным вариациям автохтонной хозяйственной деятельности в ее составе идентифицированы ресурсно-освоенческие районы. Даны некоторые рекомендации по использованию аборигенного опыта природопользования в современных условиях.

Primary prerequisites for the shaping of the nature management system by the aboriginal population of the Amur basin in the 3rd Millennium BC are considered. On this basis, it was possible to single out the Amur resource-development region. According to local variations in autochthonal economic activity, resource-development districts were identified in its composition. Some recommendations for the utilization of experience in nature management under current conditions are given.

© 2006 Шведов В. Г., Волынчук А. Б., Шведова И. Г.

Хозяйственное освоение территорий, осуществляющееся в пределах географической среды в течение нескольких последних тысячелетий, стало одной из главных причин происходящих в ней перемен. Поскольку этот процесс протекает как в пространстве, так и во времени, изучение территориального аспекта эволюции различных форм освоенческой деятельности и анализ результатов их проявления относятся к разряду историко-географических. В данной связи особый интерес вызывает рассмотрение ретроспективы освоения отдельных регионов [1], о чем свидетельствуют следующие доводы.

1. Ни одна из вмещенных в конкретные территориальные рамки освоенческих систем не возникает спонтанно. Все они в разной степени являются наследниками размещавшихся здесь более ранних форм природопользования. Следовательно, рассмотрение их современного состояния вне логической связи с прошлым неправомерно.

2. Эта взаимосвязь позволяет отчетливее рассмотреть и понять специфику региона, оградить познание от нивелирующего воздействия обобщений, которые нередко находятся в определенном противоречии с частностями.

3. Ретроспектива освоенческого процесса имеет большое познавательное значение, поскольку позволяет составить наиболее полное и, следовательно, достоверное представление о той или иной территории в целом.

Историко-географические исследования могут вестись в двух аспектах. Один из них — временной, позволяющий вскрыть причинно-следственные связи в развитии какого-либо процесса, выявить его общие закономерности, присущую ему этапность и характер ее преемственности. Другой аспект состоит в оперировании пространственными категориями. В результате происходит всестороннее восстановление состояния определенной территории в конкретный момент времени и детализация показа значимости реконструкции развития того или иного явления. Эти приемы использованы при реконструкции ситуации, сложившейся в верхнем неолите в пределах выделенной на юго-востоке России Амурской ресурсно-освоенческой области.

Ресурсно-освоенческая область (РОО) — относительно устойчивая во времени крупная территория, отличающаяся преобладающим типом хозяйственного освоения и спецификой вовлеченных в этот процесс социально-природных подсистем [2]. Генетически данное образование является историко-географическим, поскольку обладает хронометрической характеристикой, отражающей факт ее зарождения, существования, а также периодизацию процесса ее внутреннего развития.

В восстановленных границах Амурская РОО охватывает большую часть бассейна Амура от места слияния Шилки и Аргуни (см. рисунок). В ее рельефе преобладают равнины, такие как Дунбэй, Среднеамурская, Зейско-Буреинская, Амуро-Зейская, и долины рек нижнего Амура и Уссури. Поселенная, расширяясь на юго-востоке, переходит в Приханкайскую равнину. Кроме равнины рельеф этой территории представлен разновысотными горными сооружениями. Одни из них (Восточно-Маньчжурские горы, Мал. Хинган) невысокие, сильно расчлененные, обладают покатыми склонами, другие — крутосклонные и высокие (абс. выс. 1500 м), смещены к северной (Тукурингра, Джагды, Буреинский) и восточной (Сихотэ-Алинь) периферии области.

Почти весь контур Амурской РОО очерчен хорошо различимыми природными барьерами, благодаря которым область относительно изолирована от большинства прилегающих территорий. В древности это обстоятельство имело особое значение, поскольку ярко выраженные естественные рубежи разделяли тогда не только отличные друг от друга ландшафты, но и социальные общности, изначально адаптированные к хозяйственной деятельности в их специфических условиях. Горная гряда, крупная река или морской пролив нередко отделяли друг от друга контрастные человеческие «миры», где формировались по-своему уникальные системы природопользования.

Становой хребет и Бол. Хинган отделяли Амурскую РОО от Североазиатской и Центрально-Азиатской РОО. К востоку от нее, за Татарским проливом и Японским морем — на Сахалине, Хоккайдо и Хонсю проживали оседлые охотники айны. Границей области с корейской земледельческой протоцивилизацией на юго-востоке служили Северо-Корейские горы.

Четко выраженной орографической или акваториальной границы область не имела лишь на юге — при соприкосновении со слабо приподнятой над уровнем моря равниной Ляонин, однако эти территории разделены хорошо различимым климатическим рубежом. Ныне среднегодовые амплитуды температур по разные его стороны достигают 8 °С, количество осадков — до 1000 мм, протяженность вегетационного периода — до одного месяца. Как свидетельствуют палеоботанические и палеоклиматические данные, в конце III тысячелетия до н. э. эти различия были несколько заметнее [3]. Равнина Ляонин в то время была более сходна с Шандунем или Кореей, и в ее пределах абсолютно господствовало рисосеяние.

Таким образом, в общем плане Амурская РОО представляет собой естественную «чашу», своеобразие которой усилено размещением в ней основной части бассейна Амура [4], где главный водоток реки охватывает северный сектор области, а вся южная ее часть изрезана амурскими притоками,

Внутренняя дифференциация Амурской ресурсно-освоенческой области (III тысячелетие до н. э.).

Границы: 1 — Амурской ресурсно-освоенческой области, 2 — ресурсно-освоенческих районов (I — Среднеамурского, II — Северо-Восточного, III — Приморского, IV — Сунгарийского).

среди которых по размеру выделяются Сунгари с Нэнцзяном и Уссури. Вне этой гидросети находятся лишь восточный склон Сихотэ-Алиня и южная треть Приханкайской равнины, занимающие вместе не более двух процентов площади РОО.

Роль рек в формировании социально-территориальных систем очевидна. В соответствии с концепцией, рассматривающей речной бассейн как функционально-целостную геосистемную основу «индивидуального» развития различных этнодемографических сообществ [5], каждое из них обладает уникальной, исторически сложившейся системой хозяйственного освоения территории своего проживания. Это объясняет интерес к картине аборигенного освоения Амурской РОО в верхнем неолите.

Выбор этого времени обоснован следующими причинами. Верхненеолитический «облик» бассейна Амура неплохо изучен археологически, и отдельные его стороны вполне поддаются реконструкции. Освоенческий фон, сложившийся здесь к концу III тысячелетия до н. э., оставался в основном неизменным до середины XIX в. Такая стабильность объясняется не стагнацией, а высокой приспособленностью исторически сложившегося типа хозяйствования к местным условиям природной среды и использования природно-ресурсного потенциала.

Экономический «бум» конца XIX—начала XX вв. в бассейне Амура во многом объясняется ориентацией русских и китайских колонистов на специализацию и приемы туземного хозяйствования. Это же обстоятельство позволило Амурской РОО, несмотря на ее межгосударственный раздел, сохраниться как объективно целостной освоенческой области. Начавшийся с 1930-х гг. отход от использования аборигенного опыта освоения этой территории стал затем одной из основных причин ухудшения экологической и социально-экономической обстановки в обеих ее частях — как российской, так и зарубежной.

В древних китайских трактатах отмечается, что с «давних времен» к северу от Поднебесной проживали варвары-сушени [6], а судя по летописным и современным археологическим данным, к концу III тысячелетия до н. э. их социально-экономическое развитие соответствовало характеристикам верхнего неолита. Из них нами выбрана одна, в данном случае наиболее существенная: каждое верхне-неолитическое сообщество, сочетая присваивающие и производящие формы хозяйствования, стремилось вписать их в рамки условий места своего проживания.

Первоначально это объяснялось высокой степенью зависимости древнего человека от окружающей среды, но затем это явление определялось уже тем, что ранние социумы вырабатывали оптимальную систему собственного жизнеобеспечения за счет наиболее полной адаптации их хозяйственной деятельности к локальному естественному окружению. В итоге формировались древние этнические типы природопользования, не только представлявшие собой систему предельно рационализированной эксплуатации природных ресурсов, но и создававшие предпосылки для их регулярного самовоспроизводства [1]. Последнее требование было обязательным, поскольку лишь оно гарантировало неолитической общине длительность и качество выживания на территории ее привычного обитания.

Согласно Б. М. Ишмуратову [1], все разнообразие форм древнего этнического природопользования можно свести к двум основным типам: зональному, специализация которого адекватна естественным условиям и ресурсному потенциалу той или иной природной зоны, и интразональному, ориентированному на внутреннюю специфику конкретной территории, с учетом наличия в ее пределах определенных географических явлений, способных сыграть особую роль в ее освоении (крупная река, уникальный в том или ином отношении вид природных ресурсов). Образованную этими типами и их региональными сочетаниями территориальную мозаику следует рассматривать как первичную основу выделения РОО. В данной связи закономерен вопрос: чем, собственно, отличалась от своего окружения Амурская область во время проживания на ее территории сушеней?

Начать следует с того, что над этой территорией взаимодействуют три типа воздушных масс — арктические, континентальные и океанические муссонные, следствием чего выступают неустойчивый погодный режим, сезонные контрасты в выпадении осадков, внезапные чередования охлаждения и прогревания почвы. Местный флористический комплекс, приспособившийся к этому климатическому своеобразие, генерировал значительное количество эндемиков. Многие из них, главным образом злаки, в неолите подвергались окультуриванию — гаолян, чумиза, пайза, мышей, гречиха, а из бобовых — соя. Основное достоинство этих растений — устойчивость к сложным агроклиматическим условиям. Высокой урожайностью они не отличались, но этот недостаток окупался массой сбора в целом.

Начало обработки почвы в бассейне Амура датируется приблизительно VI тысячелетием до н. э., спустя три тысячи лет оно стало основным занятием большей части местного населения, а к концу неолита здесь сложился устойчивый автохтонный ареал мотыжного земледелия [7]. Соответствующий ему культурный слой изобилует находками серпов, мотыг, ступ, пестов, зернотерок, остатков зернохранилищ. Более 85 % взятых из него проб спорово-пыльцевого анализа содержат следы культурных злаков [8]. Признаков выращивания иных растений не обнаружено. Очевидно, их отсутствие в рационе сушеней восполнялось сбором дикоросов.

Древнее зерновое хозяйство Амурской РОО, приуроченное к ареалам широколиственных и смешанных лесов, лесостепям Дунбэя, имело ярко выраженный зональный тип, животноводство же для аборигенов в целом носило вспомогательный характер. Находки костей крупного рогатого скота редки, лошадей — единичны, овец, коз и домашней птицы — отсутствуют. Очевидно, сушени довольствовались приручением собак и свиней. Это удивительно только на первый взгляд, поскольку у жителей области был иной, стабильный и достаточный источник животного белка.

В начале осени вверх по рекам начинался массовый ход лососевых, поднимавшихся по Амуру на две тысячи километров и попутно заходивших во все его большие и малые притоки. Это было время путины, роль которой в жизни автохтонов трудно переоценить. В местах их поселений обнаружены остатки коптилен, крючки, грузила, гарпуны, палицы для убоя крупной рыбы, приспособления для прядения сетей и придонных тралов, емкости для хранения икры. Установлено, что за один путинный сезон верхнеолитические промысловики добывали около 100 тыс. т одной лишь кеты [8]. Таким образом, создавались запасы высококалорийного, обладающего противогинготными свойствами продовольствия на весь год — до следующего нерестового сезона.

Значение Амура для местного населения издавна было столь велико, что даже его современное название представляет собой трансформацию древнего словосочетания Маа-мур — Мать-река. И. А. Витвер [9] сформулировал понятие о речных культурах, основой зарождения и существования которых служил особый хозяйственный уклад, базировавшийся на освоении ресурсного потенциала как самой реки, так и образованного ею ландшафтного комплекса. Одни из них ждало развитие, другие — нет, но независимо от этого в течение долгого времени сохранялась их азональная специфика. В этой связи можно утверждать, что сушени создали уникальную речную культуру, не имеющую полных мировых аналогов. Ее основу составляла земледельческо-рыболовецкая специализация зонально-азонального характера [10].

Только особое сочетание естественных предпосылок в бассейне Амура позволило его древним обитателям равновесно объединить данные виды хозяйственной деятельности, сделать их взаимосвязанными, т. е. создать основу формирования РОО с ее хорошо различимой индивидуальностью.

Амурская РОО изначально отличалась крупными размерами. Это объективно обусловило проявление в основном образующем ее признаке — сельскохозяйственно-рыболовецком хозяйственном укладе — внутренних географических вариаций. При этом каждая из них стала основой образования ресурсно-освоенческого района (РОР) — достаточно крупной части области, в пределах которой сформировалась отличающаяся своеобразием местных социоприродных условий форма хозяйственного освоения территории общеобластного типа [11].

Историко-географическая реконструкция позволяет на ранних этапах развития Амурской РОО выделить в ее составе четыре района. Для каждого из них сочетание земледелия и путинного промысла оставалось определяющим типом хозяйствования, но соотношение между этими составляющими менялось в широких пределах. Кроме того, хозяйственное своеобразие было обусловлено степенью вовлечения местного населения в иные, дополнительные виды деятельности.

Среднеамурский район сформировался на равнине трехречья Амура—Зеи—Буреи и простирался на юго-восток до низовий Сунгари и Усури. В основном его периметр составляли горы: на севере — Буреинский хребет, Джагды, Соктахан, Тукурингра, на западе — Становое нагорье, на юге — отроги Большого и Малого Хингана. На востоке границей служило орографическое сужение долины Амура до 70–100 км ниже современного Хабаровска. Для Амурской РОО этот район являлся классическим, поскольку хозяйственная деятельность заселявших его в III тысячелетии до н. э. племен в основном замыкалась на земледелии и путине. Об этом свидетельствуют результаты спорово-пыльцевого анализа проб древнего почвенного слоя в местах поселений; обилие найденных здесь предметов сельскохозяйственного и рыболовецкого инвентаря, помещений для переработки и хранения зерна, муки, рыбы и икры; преобладание в остеомассе кухонных отходов костей лососевых рыб над остатками всех других позвоночных в пропорции 3:1 и более.

Иные виды хозяйствования (охота, собирательство, животноводство), судя по всему, имели не только вспомогательное значение, но и зависели от основных. Например, зимний откорм свиней велся сушеной рыбой. Таким образом, освоенческая специализация этого района в верхнем неолите сформировалась в результате развития тех видов хозяйства, которые в местных условиях (благоприятный агроклиматический фон, стабильный и интенсивный нерест лососевых) обеспечивали население продовольствием в течение всего года.

Сунгарийский район занимал юг Амурской РОО, включая долины рек Сунгари (до ее пересечения в нижнем течении с хребтами Мал. Хинган и Ванданшань) и Усури (до места впадения в нее Бикина), равнину Дунбэй и Восточно-Маньчжурские горы. Климат района отличался большей мягкостью, а почвы — плодородием. Нерестовый ход лососевых здесь был существенно слабее, чем по основному амурскому руслу и его северным притокам. До верховий Сунгари и Усури доходила лишь одна из 500 шашедших в устья рек рыб, поэтому местные племена в меньшей степени надеялись на результаты путины, отдавая предпочтение обработке почв.

В пользу этого свидетельствуют преобладание находок сельскохозяйственного инвентаря над рыболовецким; следы неолитической обработки почв в Дунбэе и древнего подсечного земледелия в Восточно-Маньчжурских горах; расширенный набор растений из садово-огородных культур и следы попыток возделывания риса; большая численность населения в поселках — до 800 чел. против 100–120 в стойбищах среднего Амура [7]. Если приамурские сушени стремились к рассредоточению вдоль берегов нерестовых рек, то сунгарийские — к концентрации рабочей силы вокруг обрабатываемых полей.

В Сунгарийском районе сохранялось значение охоты и собирательства, что объясняется богатством биоресурсов здешних лесов и лесостепей. Кухонные отбросы «сунгарийцев» насыщены скорлупой орехов, черешками желудей, косточками диких плодов, а содержащаяся в них остеомасса на 30 % состоит из костей диких млекопитающих и птиц.

Обилие и высокая продуктивность дубовых роц позволяли откармливать на выпасе огромные стада свиней, кости которых формируют более 50 % остеомассы останков всех млекопитающих [12]. Значение этих животных для сунгарийских сушеней было, видимо, столь велико, что они не представляли без них даже своего потустороннего существования: в погребениях рядовых общинников обнаруживаются до 10 свиных скелетов, а в могилах вождей — до тысячи [13].

Южно-Приморский район занимал в составе области наименьшую площадь, размещаясь в прибрежной части Приханкайской равнины с ответвлениями от нее в стороны устья р. Туманной на юго-западе и Ольгинской бухты на северо-востоке, однако его отличало значительное хозяйственное своеобразие. Повышенная влажность территории создавала определенные трудности для возделывания аборигенных зерновых культур, и хотя к верхнему неолиту обрабатывалось почти 2/3 площади района, земледелие имело здесь рискованный характер, и урожаи были то изобильными, то вымокали на корню.

Нерестовый ход лососевых наблюдался как на р. Раздольной, так и на реках юго-восточного склона Сихотэ-Алиня, но, поскольку эти реки невелики, масса входившей в них рыбы была относи-

тельно мала. Поэтому местные жители, стремясь изыскать дополнительный источник жизнеобеспечения, занялись морепромыслом, основным объектом которого стали двустворчатые моллюски. Надо отметить, что в III–II тысячелетиях до н. э. гидрологические условия Японского моря и южной части Татарского пролива благоприятствовали активному размножению этих моллюсков, и их колонии были здесь более многочисленными, чем в последующие времена.

Добыча моллюсков играла в жизни здешних племен очень важную роль, поскольку в кухонных отбросах обнаружены линзы пустых раковин [10]. Ряд признаков (останки молоди, следы каменных сооружений, похожих на современные морские садки) позволяет предположить, что южноприморские сушени владели навыками добычи и разведения марикультуры [7].

Стержнем *Северо-Восточного района* служило нижнее течение Амура — от участка, начинавшегося севернее современного Хабаровска, до устья реки. На западе это образование через бассейн Амгуни простиралось по горам до хр. Тукурингра, а на юге включало почти весь Сихотэ-Алинь, кроме узкой дуги его западных, южных и юго-восточных склонов. Этот район отличался наиболее суровыми в Амурской РОО природно-климатическими условиями: сложным строением рельефа, низкими среднегодовыми температурами, распространением многолетней мерзлоты, которые препятствовали развитию земледелия. Это подтверждают и скудность находок инвентаря для обработки почв и сбора урожая, и их очаговая локализация. Следы древних полей «пятнами» найдены в бассейнах Бикина, Селемджи, Гилюя, Тугуры, на восточном склоне Сихотэ-Алиня.

Все это свидетельствует о том, что земледелие здесь велось эпизодически и приносило скромные плоды. И все же обитатели района, по крайней мере жившие вдоль амурского русла, употребляли в пищу значительное количество зерна, что подтверждает частота нахождения емкостей для его хранения. Видимо, оно попадало сюда путем обмена, поскольку есть летописные сообщения об отправке на нижний Амур караванов из Среднего Приамурья и с Сунгари [13], которые и могли доставлять сюда этот продукт в обмен на шкуры бельков, некоторые минералы и янтарь, добывавшийся тогда на Шантарских островах.

Эта торговая связь, хотя теперь трудно судить о ее интенсивности, укрепляла внутреннее территориальное единство Амурской РОО, но в то же время такая продовольственная зависимость вряд ли полностью устраивала обитателей Северо-Востока. Ослабить ее они могли лишь за счет второй составляющей в общеобластной хозяйственной специализации — пушины.

В наши дни мимо Хабаровска проходит (с поправкой на вылов) до 60 % идущего от устья Амура на нерест лососевого стада. Нет основания считать, что в конце III тысячелетия до н. э. ситуация была иной. Путинный промысел в Нижнем Приамурье, гораздо более богатый, чем в Среднем, являлся главным занятием местных жителей, что подтверждают археологические находки. Раскопы поселков переполнены здесь рыболовецким инвентарем, следами заготовки и едва ли не избыточного потребления в пищу нерестовой рыбы [10].

Важным хозяйственным подспорьем на этой территории была охота, но если в Сунгарийском районе она была обычным делом, и животные водились в изобилии, то на Северо-Востоке их добыча служила необходимым источником белкового разнообразия в рационе местных жителей. До 30 % остеомассы здешних кухонных отбросов сложено костями диких птиц и млекопитающих, уступая первенство лишь остаткам лососевых рыб. Отмечены случаи употребления в пищу рыси, волка, выдры, белки — зверей, которых южане ради пропитания не добывали. Это свидетельствует о том, что «мясной» промысел на Северо-Востоке был трудоемким и не всегда успешным. Животноводство для этой территории в целом не свойственно. Здесь держали только собак — для охоты, езды и охраны. Иногда их забивали и на мясо, но происходило это только в отдельные, неблагоприятные годы.

Северо-Восточный район менее всего был связан с производящими формами хозяйствования, что превращало его в реликтовую территорию, где распознавались первичный облик области и начальные общие черты ее освоения в постледниковое время.

Сложившийся к верхнему неолиту в Амурской РОО хозяйственный фон в основном сохранялся на протяжении еще почти четырех тысяч лет, хотя отдельные его черты со временем и обратились в анахронизмы. Так, обитатели Северо-Восточного района не переняли у своих соседей из бассейна Лены навыков оленеводства. Стада домашних северных оленей появились на периферии района (бассейн Амгуни, верховья Зеи и Буреи) лишь в XVI в. вместе с эвенкийскими переселенцами. В остальном хозяйственная специализация области лишь усиливалась, адекватно реагируя на меняющиеся внешние и внутренние условия. Площадь ее посевных земель с конца III тысячелетия до н. э. к середине XVI в. н. э. возросла более чем в 15 раз, а количество видов возделываемых растений утроилось. Технологическими новшествами стали внедрение севооборотов и плужной пахоты двумя типами лемехов: тяжелыми — для подъема целины, легкими — для обработки староосвоенных угодий.

О росте земледельческих навыков аборигенов Амурской РОО свидетельствует такой пример: к I в. н. э. япономорская популяция двустворчатых моллюсков из-за изменения гидрологических усло-

вий мест их обитания деградировала, что подорвало привычную продовольственную базу жителей Южного Приморья, которые, однако, преодолели кризис, усилив ориентацию на производство зерна, в том числе за счет внедрения посевов риса.

Развитие пашенной обработки почвы вызвало потребность в тягловой силе. С IV в. н. э. в Среднеамурском, Сунгарийском и Южно-Приморском районах росло поголовье крупного рогатого скота и лошадей. По летописным оценкам в XI в. численность лошадей в табунах на среднем Амуре–Сунгари достигала 700 тыс. гол., а крупного рогатого скота — 500 тыс. [6]. Видовой состав «нового» животноводства (в отличие от традиционного разведения свиней) свидетельствует о его тягловом назначении, да и в средневековых китайских трактатах приводятся сведения о том, что «северные варвары» использовали лошадей и быков для вспашки полей, а не пригодных для этого овец и коз у них не было вовсе [6].

Усиление роли земледелия не снизило значения путинного промысла, переживавшего в Амурской РОО своеобразную интенсификацию. Разумеется, этот термин применен здесь условно, поскольку технология рыбозаведения местным жителям была неизвестна, однако они осуществляли комплекс мероприятий, направленных на сохранение и увеличение объемов нереста [14]. Отдельные кланы согласовывали норму добычи рыбы. При ходе лососевых организовывался их переброс через перекаты. Верховья нерестовых рек объявлялись священными местами, посещение которых без необходимости запрещалось. Руслу рек расчищались от растительного опада, вокруг выбивались хищники, способные влиять на сохранность оплодотворенной икры или мальков.

Так аборигенный нерестовый промысел постепенно превратился в особую хозяйственную систему. Ее нельзя назвать в полном смысле производящей, но и ставить в один ряд с формами первичного присвоения природных ресурсов тоже неправомерно. Затраченные в этом направлении усилия полностью оправдывались. Несмотря на то, что к концу XIX в. нерестовое хозяйство аборигенов под воздействием внешних причин деградировало, объем путинного вылова вырос почти до 500 тыс. т за сезон, а ход лососевых по Амuru в то время еще мог остановить идущую против него лодку и малые реки буквально запруживались мигрировавшей рыбой [15].

Эффективность системы хозяйствования автохтонов Амурской РОО, созданной в неолите, подтверждается длительностью своего существования, что говорит в пользу желательности ее частичного восстановления в наше время. Именно частичного, поскольку, как бы она ни была приспособлена к условиям прошлого, попытки целостного переноса древнего опыта в современность окажутся несостоятельными. Многие нюансы автохтонного природопользования ныне неизвестны или непонятны, а то и просто в силу объективных причин уже неприемлемы. Экологическая и демографическая обстановка в бассейне Амура за последние полтора столетия коренным образом изменилась. Иными стали ценности и потребности проживающих здесь социумов, однако нельзя не признать, что отдельные стороны хозяйственного опыта аборигенов заслуживают изучения. В частности, этот процесс практически воплощается в северо-восточных провинциях Китая с положительной отдачей в сельском, лесном и рекреационном хозяйстве.

Представляется целесообразным пробное высевание местных культур — гаоляна, чумизы, пайзы для получения продовольственного и фуражного зерна. Очевидно, в ряде мест юга российского Дальнего Востока пора отказаться от хронически нерентабельного молочно-мясного скотоводства в пользу увеличения поголовья свиней. В этом регионе есть все предпосылки для апробации методов разведения дичи и внедрения трапперства. Нет необходимости доказывать и экономическую целесообразность умножения здесь количества рыбопроизводных заводов, экологического восстановления малых нерестовых рек, усиления эффективности рыбоохраны.

Российские хозяйственники зачастую не воспринимают такие рекомендации всерьез, что является одной из причин того, что большая часть продовольствия, потребляемого россиянами на пространстве от Благовещенска до Владивостока, производится по ту сторону Амура и Усури.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ишмуратов Б. М.** Современные аспекты территориальной организации природопользования // Традиционное природопользование эвенков. — Новосибирск: Наука, 1995.
2. **Рюмин В. В.** Пространственно-временной анализ исторического ландшафтоведения в Южной Сибири // Историко-географические исследования Южной Сибири. — Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 1990.
3. **Кульпин Э. С.** Человек и природа в Китае. — М.: Наука, 1990.
4. **Шведов В. Г.** Историческая политическая география Амурского района. — Биробиджан, 2000.
5. **Корытный Л. М.** Бассейновая концепция проблемного геоэкологического районирования // Экологические проблемы бассейнов крупных рек. — Тольятти, 1998.

6. **Бичурин Н. Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — Т. 2.
7. **Бродянский Д. Л.** Введение в археологию. — Владивосток, 1987.
8. **Деревянко А. И.** Приамурье. I тысячелетие до нашей эры. — Новосибирск: Наука, 1976.
9. **Витвер И. А.** Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. — М.: Географгиз, 1963.
10. **Окладников А. П.** Далекое прошлое Приморья. — Владивосток, 1959.
11. **Вольнчук А. Б.** Природно-ресурсный потенциал Среднего Приамурья (геоэкологический и историко-географический аспекты освоения): Дис. ... канд. геогр. наук. — Хабаровск, 2005.
12. **Деревянко А. П.** Ранний железный век Приамурья. — Новосибирск: Наука, 1973.
13. **Ларичев В. Е.** Народы Дальнего Востока в древности и средние века и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. — Новосибирск: Наука, 1980.
14. **Лихатович Дж.** Лосось без рек. — Владивосток: Дальний Восток, 2004.
15. **Арсеньев В. К.** Избранное. — Хабаровск, 1997. — Т. 1.

*Институт комплексного анализа региональных проблем
ДВО РАН, Хабаровск*

*Поступила в редакцию
19 августа 2005 г.*